

И.Б. ЛЕВОНТИНА

Слово не воробей (О некоторых аспектах судебной лингвистической экспертизы)

Судебная лингвистика и, в частности, прикладная дисциплина, занимающаяся составлением лингвистических экспертиз, в последние годы развивается весьма бурно, однако при этом обнаруживает отчетливую тенденцию к маргинализации. Поэтому сейчас очень важно, чтобы эта дисциплина не была изолирована от "большой" лингвистики и ее достижений, чтобы судебно-лингвистическая проблематика не выпадала из поля зрения лингвистов, чтобы в обществе имелось хотя бы самое общее представление о задачах и методах лингвистической экспертизы.

Для простоты я буду употреблять термин "лингвистическая экспертиза", хотя правовой статус лингвистического исследования бывает разным. Если экспертиза проводится по решению суда или по определению следователя, то специалист предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения; при этом суд принимает выводы экспертов как доказательства. Если же исследование выполняется по запросу одной из сторон, то оно имеет статус заключения специалиста и может судом приниматься или не приниматься.

Круг задач, которые приходится решать лингвистам-экспертам, чрезвычайно широк. Например, две стороны заключили договор, а потом оказывается, что какое-то условие в нем сформулировано неоднозначно. Зачастую непонятно, относится ли то или иное уточнение в тексте договора ко всему предложению или только к его части, а между тем цена вопроса может быть очень высокой. Особый тип исследования – автороведческая экспертиза, в первую очередь по делам о плагиате, где часто приходится устанавливать, адекватно ли пересказ передает смысл исходного текста. В делах о клевете приходится выяснять, идет ли речь в спорном фрагменте текста именно об истце.

Лингвистическая экспертиза бывает также необходима в делах о недобросовестной рекламе, неэтичной конкуренции и т.п. Не обходятся без лингвистов и многие дела, связанные с патентным правом (сходство товарных знаков до степени смешения и т.п.). Чаще всего лингвистическое исследование требуется в уголовных делах о клевете, об оскорблении, о разжигании межнациональной розни и в гражданских делах о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Объем статьи не позволяет рассказать обо всех типах лингвистической экспертизы¹. Остановлюсь лишь на отдельных вопросах, связанных с некоторыми типами

¹ Подробнее см. [Баранов, 2004; Левонтина, 2005; Баранов... 2002; Политическое... 1999; Юрислингвистика... 2002; Осадчий, 2007].

экспертиз, даже не претендуя на полноту ответов на эти вопросы. Ссылаться буду, в основном, на случаи из собственной практики лингвиста-эксперта в самом общем виде.

Конкретные задачи, которые ставятся перед лингвистом, могут быть совершенно разными. Например, в гражданском деле о защите чести, достоинства и деловой репутации истец считает, что ответчик распространил ложные сведения о совершении истцом аморальных или противоправных действий, причем сведения эти представлены "в форме утверждения" (см. ниже о соответствующем постановлении Пленума Верховного суда). Замечу, что за мнения, оценки, предположения судить нельзя, поскольку это противоречит принципу свободы слова. Однако если эти мнения и оценки высказаны в непристойной форме – тогда это уже оскорбление, то есть уголовное преступление.

Таким образом, от лингвиста требуется установить, есть ли в тексте сведения негативного характера, относящиеся именно к истцу, выражены ли они в форме утверждений об имевших или якобы имевших место фактах и в самом ли деле в нем утверждается, что истец совершил аморальные, а возможно, и противоправные действия. Устанавливать, истинны или ложны сообщаемые сведения – конечно, не дело лингвиста. В то же время отделить в тексте утверждения от мнений – задача часто нетривиальная, и без помощи лингвиста ее не разрешить. Сделать это не всегда легко, даже когда речь идет об истолковании одного слова.

Большинство слов многозначны, и зачастую разные значения предполагают абсолютно разную интерпретацию высказывания, а следовательно, и его юридическую квалификацию. А как доказать, что имелось в виду одно значение слова, а не другое?

В большинстве случаев это позволяет установить контекст, поскольку значения многозначного слова различаются своими конструктивными, сочетаемостными, стилистическими, интонационными и другими свойствами. Приведу несколько примеров.

В одной из публикаций про некоего чиновника было сказано, что он *работает на "Кавказ-центр"*. От экспертов требовалось установить, в каком из значений в данном случае употреблено слово *работать*. То есть, идет ли речь о сознательной, целенаправленной, возможно, оплаченной деятельности, либо глагол *работать* просто означает деятельность, которая объективно приносит кому-то пользу (ср. *время работает на нас*). От ответа на этот вопрос зависело решение суда о том, содержит ли данная фраза утверждение или мнение, что, в свою очередь, влияло на исход всего дела. Оказывается, второе значение глагола *работать* (*время работает на нас*) не применяется в сочетании с именами лиц. Поэтому здесь слово *работает* можно истолковать только как целенаправленную деятельность.

Другой пример. В деле шла речь о публикации, в которой, в частности, сообщалось, что истец *выкрикивал скверные слова*. Истец считал, что его обвинили в использовании нецензурной брани, а ответчик утверждал, что имел в виду просто злые слова. В "Возражениях по существу предъявленного иска" имелось указание на многозначность слова *скверный* (со ссылкой на толковый словарь С. Ожегова). Однако ответчик не учел того обстоятельства, что в различных контекстах используются разные значения многозначного слова, и в сочетании *скверные слова* слово *скверный* понимается единственным образом – как "непристойный". В русском языке есть даже слово *сквернословие*, которое обозначает непристойную брань.

Очень часто от лингвиста требуется логико-семантический анализ текста. Так, запрятывание ложной информации в неявную часть смысла (в частности, в пресуппозицию) – типичный прием так называемой лингвистической демагогии. Таким приемом часто пользуются политики и журналисты. Например, можно сказать: *Х не избрали в Думу*. Это вроде бы не совсем неправда, если Х не стал депутатом. Однако одновременно как бы само собой подразумевается, что он баллотировался, но не прошел, и все слушатели или читатели будут в этом уверены. А в действительности Х, возможно, и не баллотировался. Ответчик в подобных случаях обычно заявляет: "Разве я сказал неправду? Разве его избрали в Думу? Нет! Значит, я сказал правду". Это, однако, не так. Фраза содержит ложную пресуппозицию – сведения, которое преподносится не просто как истинное, но как всем известное и не нуждающееся в проверке.

Интересная ситуация возникает, когда человек обнаруживает неприятную информацию о себе в художественном тексте и хочет защитить свою честь в суде. При этом и он, и судья сталкиваются с существенными трудностями, связанными с проблемой истинности-ложности и верифицируемости художественного текста. Эта проблема хорошо известна в логике и лингвистике, а именно в том ее разделе, который называется "теория референции" (референция – отнесенность высказывания к действительности). В художественном тексте, как считается в современных гуманитарных науках, моделируется некая альтернативная реальность, воображаемый мир, относительно которого и определяется истинность или ложность высказываний. Высказывание "Наташа Ростова вышла замуж за Пьера Безухова" истинно относительно мира, созданного в романе "Война и мир". Никому не придет в голову говорить, что это высказывание ложно, потому что таких людей в реальном мире не существовало. Однако логический статус высказывания о вымышленном мире становится проблематичным, если этот мир пересекается с реальным. Как отмечает А. Шмелев, "из того факта, что в реальном Лондоне в доме 221 по Бейкер-стрит был банк, следует ли, что Холмс жил в банке?" [Шмелев, 2002, с. 240].

Так, в романе "Война и мир" Пьер Безухов разговаривает с маршалом Даву. Это происходит в вымышленном мире, но маршал Даву – реальное историческое лицо, и высказывания о нем неизбежно как-то соотносятся с реальным миром. У А. Пушкина в "Капитанской дочке" Петруша Гринев беседует с Пугачевым, а Маша Миронова – с Екатериной Второй. Пушкин приписывает историческим персонажам действия и слова на основании своего видения их характеров, и можно спорить, насколько это правдоподобно. А у Н. Гоголя казак летит на черте в Петербург за черевичками и там встречается с Екатериной Второй. В этом контексте едва ли уместно требовать правдоподобия в описании императрицы.

Поэтому, если в художественном тексте фигурирует реальное лицо, которое названо по имени или описано так, что его можно идентифицировать, для установления логического статуса высказываний о нем необходим более тщательный анализ. То же самое имеет место в случае, когда в тексте упоминается некоторая реально существующая организация. Если мы имеем дело с текстом в жанре фэнтези или абсурдистским произведением, никто не будет считать, что рассказываются реальные истории из жизни реальных людей. Другое дело, если текст имеет подзаголовок "документальная повесть". Здесь автор претендует на изложение реальных событий.

Не так давно произошел скандал, связанный с романом Д. Донцовой, в котором весьма мрачными красками был обрисован реально существующий и названный своим именем автосервис. Посмотрим, как референциальный конфликт вымышленного и реального миров реализуется в данном случае. В художественном тексте Донцовой называется салон "А." (я не указываю здесь его название), который можно идентифицировать с реальным автосалоном, и имеется вымышленная героиня – Даша Васильева, которая туда приходит. Там она беседует с молодым сотрудником, о котором не сообщается никаких идентифицирующих признаков, кроме возраста. Он заявляет, что быстро починить машину невозможно, так как нет нужных деталей, за ними надо посылать во Францию. Затем следует такой диалог:

– До Парижа лету пара часов. Ну ладно, еще неделю на растаможку. И потом, неужели на складе нет некоего запаса?

– Не-а, – протянул, зевая, парень. – Ждите.

Я возмутилась.

– Позовите директора!

– Он в отпуске.

– Старшего менеджера!!

– Заболел.

– Начальника смены!!!

– В больнице лежит. Я один, – нагло усмехнулся юноша.

Пришлось вынуть кошелек. О чудо! За мзду гарантийную детальку приволокли через десять минут и мигом впихнули под капот...

Неприятный опыт общения с этим сотрудником дает героине основания для эмоциональной оценки салона как *гадкого места* и слов о том, что в следующий раз она купит машину другой марки, чтобы не обслуживаться в этом салоне. Таким образом, у вымышленной героини происходит конфликт с вымышленным героем (поскольку данный персонаж не может быть отождествлен с каким-либо реальным лицом). То, что этот герой по сюжету работает в салоне "А.", не означает, что салон сам по себе плохой – недобросовестный сотрудник может оказаться где угодно. То же, что вымышленная героиня на основании действий этого сотрудника сделала, возможно, опрометчивые выводы относительно салона, характеризует скорее данную вымышленную героиню, чем реальный салон.

Иной раз с текстами трудно иметь дело просто потому, что в них содержится такая средневековая ахинея, что ее даже и ложью назвать нельзя. А только бессмыслицей. Если про вас написали, что вы энергетический вампир или у вас черный глаз, можно ли это счесть порочащими сведениями? И в наше просвещенное время такие ситуации не столь уж редки.

Так, некоторое время назад в суде рассматривалось дело, в котором обжаловалась телепередача одного из федеральных каналов. В ней о бывшем мэре одного из городов рассказывались удивительные вещи. Например, в кабинете мэра были найдены спрятанные рисунки, которые эксперты по черной магии охарактеризовали как чрезвычайно вредоносные. Или другой фрагмент текста (имя мэра и название города я не привожу):

– Мы покажем то, что увидели в этом городе сами. Это настораживает и смущает не меньше, чем ритуальные убийства бизнесменов и связь с сайентологами.

Ведущий: *В этом кабинете раньше работал бывший мэр А.*

Далее рассказывается, что в кабинете были обнаружены пулевые отверстия, проходящие сквозь карту города и предположительно появившиеся в период, когда этот кабинет занимал А.

– Может, это секьюрити просто баловались?

– У нас здесь нет секьюрити. У нас есть милицейская охрана, которая стоит на первом этаже. И все.

В свою очередь, в милиции весьма заинтересовались тем, что некто в кабинете А. расстреливал карту города N.

...нули попали в то место на карте, где находились коттеджи убитых бизнесменов...

Здесь содержится информация о том, что А. каким-то образом (неясно, то ли практически, то ли мистически) был связан с убийствами бизнесменов. Эта информация содержится в форме вывода, который зритель должен сделать из утверждения о наличии пулевых отверстий и их расположении, а также из сообщения, что вооруженной охраны на этаже нет, и предположения, что отверстия появились, когда хозяином кабинета был А. Информация о том, что между А. и убийствами бизнесменов есть связь, является негативной независимо от того, какова природа связи. В любом случае, это информация об аморальных действиях. Правда, не в форме утверждения.

Иногда лингвистов спрашивают, специально ли автор той или иной публикации заведомо извращает общеизвестные факты. Ответ на такой вопрос требует от эксперта оценки того, заведомо ли для автора и читателей содержание текста не соответствует общеизвестным историческим событиям или фактам, реалиям жизни. Иначе говоря, эксперт должен оценить намерения автора, степень его искренности, а также образовательный уровень его аудитории. Эти задачи выходят за рамки компетенции лингвиста.

В делах об оскорблении часто приходится доказывать, что то или иное высказывание неприлично, – иначе обвиняемый может сказать: "Это вы во всем видите похабщину, а я ничего такого не имел в виду". А как это доказать, если высказывание не содержит непристойной брани?

В свое время в одной из телепередач о Ю. Лужкове тележурналист С. Доренко сказал, что он, Доренко, "ущемил ему (Лужкову) достоинство". Фраза звучала неприлично, на что и указала Г. Крылова, адвокат Лужкова. В следующих передачах Доренко постарался создать впечатление, что Крылова видит непристойность там, где ее нет, что само слово "достоинство" применительно к Лужкову она якобы понимает исключительно в непристойном значении.

Причем сделано это было снова в оскорбительной, неприличной форме: «Адвокат Лужкова настаивала не менее двух раз, что слово "достоинство" в применении к мэру Москвы не может означать моральные качества. В применении к мэру слово "достоинство", по-видимому, означает такую разновидность какого-то непотребства, о котором адвокат мэра знает, видела даже, но никому не скажет». Далее Доренко варьировал ту же мысль: "Не нам судить. Доверитель Лужков, несомненно, мог показать адвокату то, что они между собой называют его достоинством. Или, по крайней мере, описать это что-то. И очень может быть, что у Крыловой есть основания оценивать это что-то у мэра как вполне пошлую вещь. Но я категорически против того, чтобы мне приписывали осведомленность в их секретах подобного рода. Мне также кажется неуместным, что адвокат дает понять судье, что и судья тоже в курсе. То, что, как вы видели сейчас, адвокат говорит судье, что Вы, дескать, Ваша честь, и сами понимаете, какая это мерзость, вот это самое достоинство, у мэра-то".

Между тем лингвистический анализ показывает, что Крылова была права, но не располагала лингвистической аргументацией. Дело в том, что в выражении "ущемил ему достоинство" Доренко использовал форму дательного падежа "ему". По-русски нельзя сказать, например, "задел ему честь", "уязвил ему самолюбие" (здесь должно быть не "ему", а "его"), но говорят, например, "оцарапал ему щеку", "прищемил ему палец". Поэтому и выражение "ущемил ему достоинство" предполагает, что речь идет о части тела. А поскольку у слова "достоинство" в русском языке есть разговорное значение "мужской половой орган", то фраза имеет исключительно неприличный смысл.

Разумеется, в небольшой статье невозможно коснуться всех вопросов, связанных с лингвистической экспертизой, в частности – вопросов о выработке единых критериев экспертной оценки, о научном обосновании лингвистической экспертизы и др. Остановлюсь только на одной проблеме, которая представляется мне наиболее значимой для общества.

Бывает, что потребность в лингвистической экспертизе вызывается не только оценкой спорных текстов, но и функционированием самих правовых норм. Многие российские законы сформулированы так, что применить их буквально очень трудно.

Рассмотрим, например, в каком значении слово *пропаганда* используется в ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. "О наркотических средствах и психотропных веществах". Под *пропагандой наркотических средств* там понимается "деятельность физических или юридических лиц, направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения" этих средств. Это понимание кардинально отличается от общеязыкового значения слова *пропаганда* [Большой... 2001].

В языке слово *пропаганда* понимается более широко и относится, в первую очередь, к распространению взглядов, воззрений и т.п. А в ч. 1 ст. 46 Закона это понятие трактуется более узко, его содержание ограничивается только распространением сведений. В ч. 2 той же статьи "Запрещается пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств..." Здесь затруднительно применить то определение пропаганды, которое дано в ч. 1, следовательно, скорее всего, имеется в виду языковое значение слова *пропаганда*, то есть углубленное разъяснение (в данном случае) преимуществ использования отдельных видов наркотических средств.

В принципе, наличие у слова терминологического значения (более узкого, чем значение общеязыковое) – нормальное явление. Однако в данном случае вводится не просто более узкое, но искажающее самый смысл слова значение. При этом в других

контекстах (скажем, в сочетании *пропаганда расизма*) это слово употребляется в законодательстве в общеязыковом значении.

Как мы видим, разночтение возникает даже в пределах одной статьи закона. Поэтому при обсуждении того или иного казуса даже юристы постоянно сбиваются с одного толкования слова *пропаганда* на другое.

Между прочим, определенные проблемы в применении данной статьи закона связаны с самой формулировкой *распространение сведений*. Так, был случай, когда телеканалу ставилось в вину само употребление в телепередаче сочетания слов *курить траву*, поскольку это – сведение о способе употребления наркотика. С точки зрения способов использования наркотических средств в той передаче обсуждался только общеизвестный факт, что марихуану (каннабис, коноплю) употребляют путем курения. Такая информация входит в словарное значение самих слов *марихуана*, *анаша*, *наркотик*, а также слова *курить*. Это можно подтвердить ссылкой на общедоступный, нормативный современный толковый словарь русского языка [Большой... 2001].

Федеральный закон "О наркотических средствах и психотропных веществах" запрещает *распространение* сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств. При этом само слово *распространить* здесь имеет значение: "сделать что-либо широко известным, доступным многим, познакомить с чем-либо многих" [Большой... 2001].

Таким образом, *распространить* можно только такие сведения, которые ранее не были общедоступными и общеизвестными. Тот же факт, что марихуану именно курят, никак не является таким сведением. Сочетание *курить марихуану* практически равносильно сочетанию *употреблять марихуану*. Никакой более конкретной информации о способах употребления тех или иных наркотиков, которой человек мог бы руководствоваться, в спорной телепередаче не было. Что касается мест приобретения наркотиков, то там обсуждался лишь общеизвестный факт, что легкие наркотики легализованы в Голландии. Его упоминание никак нельзя считать распространением каких-либо сведений о местах приобретения наркотиков, тем более что ситуация с наркотиками в Голландии даже не рассматривалась подробно (где именно приобретаются там наркотики, в какой форме и т.п.), а обсуждалась в самом общем виде, что не помешало органам правопорядка сделать это нарушением закона. Как видим, грань здесь очень тонкая.

С лингвистической точки зрения интересно проанализировать и Постановление Пленума Верховного суда РФ, регулирующие применение ст. 152 Гражданского кодекса РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации. До недавнего времени действовало Постановление от 18 августа 1992 г. № 11 "О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц (в редакции Постановлений Пленума Верховного суда от 21 декабря 1993 г. № 11, от 25 апреля 1995 г. № 6)". В нем, в частности, говорится: "Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправомерном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица".

Замечу, что упоминание о производственно-хозяйственной деятельности здесь заключено в скобки, в ряду других разъяснений. Из этого следует, что сведения о производственно-хозяйственной деятельности можно считать порочащими, только если речь идет о незаконных или аморальных действиях. Никакие утверждения, например, о том, что тот или иной банк находится на грани банкротства, не могут, согласно букве этого постановления, порочить его деловую репутацию.

В этой связи интересно вспомнить тяжбу Альфа-банка с газетой "Коммерсантъ", летом 2004 г. опубликовавшей статью о том, что у банкоматов Альфа-банка выстроились очереди. Альфа-банк подал в суд – и выиграл, вопреки тексту Постановления

Пленума Верховного суда РФ, которое полностью исключало такое решение. Его просто проигнорировали.

В новом Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" говорится: "Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица". Итак, и согласно новому постановлению утверждение о неудачном менеджменте и грозящем банкротстве по-прежнему репутацию не порочит.

Однако интереснее другое. Согласно старому постановлению, порочащими считались ложные сведения о совершении аморальных или незаконных действий. Теперь же порочит человека и многое другое, и, что особенно примечательно, – утверждения о неправильном поведении в личной, общественной или политической жизни. В общем, похоже, поправки вносились в спешке и непродуманно. Естественно, с лингвистами этот текст предварительно не согласовывался.

Скандал вокруг иска журналистки И. Ароян к певцу Ф. Киркову также должен был бы привлечь внимание к формулировкам закона. Напомню, что летом 2004 г. на пресс-конференции Кирков в нецензурных выражениях оскорбил журналистку Ароян. Она обратилась в правоохранительные органы, и Киркову была вменена ст. 130 Уголовного кодекса РФ (оскорбление). Кирков представил суду лингвистическое заключение, выполненное доктором филологических наук А. Барановым, научным сотрудником Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, из которого следовало, что высказывания Киркова, скорее всего, под ст. 130 УК РФ не подпадают. Дело Кирков все равно проиграл: судья отказался принять экспертное заключение лингвиста, а вокруг самого лингвистического заключения разразился скандал. Вот заголовки некоторых газетных публикаций: "Эксперт: Кирков ничего особенного не сказал"; "Игры сквернословов. О хамстве в контексте высокой лингвистики"; «Институт РАН "изобрел" для Киркова специальные нормы русского языка»².

Эксперта никто не спрашивал, относятся ли употребленные Кирковым нецензурные слова к нормативной лексике. Для этого, действительно, эксперт-лингвист не нужен. И без юриста, и без лингвиста ясно, что сквернословие в общественном месте – это хулиганство. Но речь-то шла об обвинении Киркова в "оскорблении", а не в хулиганстве.

Понятие "оскорбление" определено в законе, и именно этим определением, согласно общим нормам права, нужно руководствоваться. А мы уже убедились на примере слова *пропаганда*, что в законе слова могут использоваться в значении, далеком от общеязыкового. И иной раз расшифровать толкование понятия, данное в законе, и соотносить это толкование с конкретной ситуацией может только лингвист. В ст. 130 УК РФ дано такое определение понятия "оскорбление": "Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме". Если внимательно прочитать эту экспликацию, становится очевидно, что оскорбление как уголовное преступление имеет два признака: во-первых, высказывание самим своим содержанием должно унижать честь и достоинство другого лица и, во-вторых, оно должно иметь неприличную форму.

² Обзор дискуссии между экспертами по этому делу см. [Осадчий, 2007, с. 106–117]. Автор, кстати, справедливо отмечает, что неправильно было задавать вопрос об оскорблении лингвисту. Корректно было бы для проведения лингвистической экспертизы поставить перед экспертом вопросы о наличии в спорном тексте негативной информации, о ее отнесенности к данному лицу и о ее выраженности в неприличной форме. На основании ответа на эти вопросы судья решил бы вопрос о том, имело ли место оскорбление или нет.

Как быть с высказыванием Киркорова "мне по... что вы напишете"? Форма-то неприличная, спору нет, а вот смысл? Это высказывание означает "Мне безразлично, что вы напишете". Разве этот смысл унижает честь и достоинство? А одной неприличной формы, в соответствии с процитированным толкованием ст. 130 УК РФ, недостаточно для применения указанной статьи.

С точки зрения лингвиста, экспликацию слова *оскорбление* легко переформулировать так, чтобы под нее подпадало то, что произнес Киркоров. Например, "имеющие неприличную форму высказывания, жесты, рисунки и т. п., которые по своему содержанию или по самой своей форме направлены на унижение чести и достоинства другого лица". Ведь, судя по комментариям к УК, законодатель подразумевал что-то в этом роде.

История с Киркоровым очень печальна. В результате в обществе сложилось впечатление, что Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН разрешил употребление нецензурной лексики, причем в отношении женщины. Даже большинство моих и Баранова коллег, которые судили о деле по газетам, убеждены, что заключение Баранова абсурдно. Между тем содержательная сторона дела осталась за пределами обсуждения.

Нормы закона формулируются небрежно. Лингвисты к оценке формулировок, насколько я знаю, не привлекаются. А ведь чем более туманно и неоднозначно написаны законы, тем больше простора для произвола и коррупции.

Эта небрежность в формулировке законов в последнее время стала особенно опасна для общества в связи с возбуждением серии уголовных дел по обвинению в экстремизме применительно не к каким-либо действиям или их подготовке, а к опубликованным текстам. Подобные тексты, как правило, выходят из-под пера представителей оппозиции, и потому процесс сразу обретает политический характер. Между тем в Федеральном законе "О противодействии экстремистской деятельности" 2002 г. среди определений данной деятельности присутствуют и такие, как "возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию", "унижение национального достоинства" или "подрыв безопасности Российской Федерации", которые зачастую трактуются сколь угодно широко.

В такой ситуации качество работы эксперта-лингвиста зависит прежде всего от четкой трактовки именно лингвистического аспекта предлагаемых ему материалов. Только так можно избежать предвзятости и ангажированности. К сожалению, бывает, что к проведению лингвистической экспертизы привлекаются люди, даже не имеющие филологического образования. Впрочем, очень странные суждения попадают и в заключениях, подписанных дипломированными филологами. Например, когда весной 2004 г. главный редактор нижегородской газеты "Правозащита" С. Дмитриевский опубликовал обращения А. Закаева к российскому народу и А. Масхадова к Европейскому парламенту и был подвергнут уголовному преследованию за разжигание межнациональной вражды. На суде главным доказательством обвинения стало лингвистическое заключение, составленное экспертом Приволжского регионального центра судебной экспертизы Л. Тесленко. Особенно примечателен такой фрагмент. В обращении Масхадова есть слова: "...войну, навязанную Чечне путинским режимом". Эксперт по этому поводу пишет: «В данном примере обращает на себя внимание написание слова "путинский" со строчной буквы, а не прописной – "Путинский". Это стилистический прием, с помощью которого передается презрительная экспрессия».

Я даже не задаюсь вопросом о том, каким образом "презрительная экспрессия" по отношению к режиму разжигает межнациональную рознь. Мне случалось читать в других подобных лингвистических заключениях простодушные объяснения: автор, мол, ругает власть, а власть русская по преимуществу – значит, автор разжигает ненависть к русским. Тут "логика" понятна. Но вот про строчную букву – это интересно. Казалось бы, эксперт должен знать действующие "Правила русской орфографии и пунктуации", где § 99 гласит:

«Пишутся с прописной буквы прилагательные, образованные от индивидуальных названий людей, мифологических существ и т.п. (см. § 95–98):

а) если они являются в полном смысле слова притяжательными (т.е. выражают принадлежность чего-либо данному человеку, мифологическому существу) и содержат в своем составе суффикс *-ов (-ев)* или *-ин* (без последующего суффикса *-ск-*), например: *Марксов "Капитал"*, *Далев словарь*, *Зевсов гнев*, *Лизина работа*;

б) если они входят в состав названий, равных по смыслу "имени", "памяти" такого-то, например: *Ломоносовские чтения*.

Примечание 1. Прилагательные, образованные от индивидуальных названий людей, пишутся со строчной буквы: <...>

б) если они являются в полном смысле притяжательными, но содержат в своем составе суффикс *-овск- (-евск-)* или *-инск-*, например: *толстовская усадьба*, *тургеневские "Записки охотника"*, *пушкинская квартира*».

В новом, подготовленном в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН проекте "Свода правил русского правописания", правда, либерально ДОПУСКАЕТСЯ "написание с прописной буквы прилагательных на *-ский* в тех случаях, когда они имеют значение индивидуальной принадлежности". И приводится пример из Б. Пастернака насчет того, что *Живаговский дом* был ближе *Микулицынского*. Иными словами, вариант, который Тесленко называет презрительным, является единственным, который однозначно признается правильным.

Любопытно, кстати, другое. Почему эксперта смутила строчная буква, но не смутило само слово *режим*? Дело в том, что у этого слова в политическом значении два, простите за каламбур, режима употребления, которые можно условно обозначить как терминологический и оценочный. В первом случае слово *режим* указывает на разные типы организации государства – *демократический режим*, *авторитарный режим* и т.д. – и не выражает никакой оценки. Во втором случае слово *режим* в сочетании с указанием на конкретного правителя выражает если не негативное, то во всяком случае отчужденное отношение говорящего к способу правления. Сочетание *сталинский режим* едва ли будет уместно в устах пламенного сторонника этого режима. Поэтому требовать, чтобы в сочетании *путинский режим* первое слово писали исключительно с большой буквы, – все равно, что требовать, чтобы с прописной писали *путинская клика* или, скажем, *путинская камарилья*.

Лишь этот пример показывает, насколько тонкой и точной должна быть работа эксперта, в руках которого, по сути, оказываются судьбы конкретных людей. Впрочем, само слово *expertus* означает "опытный", и будем надеяться, что со временем наше лингвистическое экспертное сообщество наберется опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А.Н. Теория лингвистических экспертиз как направление прикладной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции "Диалог". М., 2004.

Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2002.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2001.

Левонтина И.Б. Буква и закон // Отечественные записки. 2005. № 2(23).

Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. М., 2007.

Политическое консультирование. М., 1999.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул, 2002.